

Мубаракшина Алия Раифовна

ПРОБЛЕМА ТУРЕЦКОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

В статье прослеживается эволюция и особенности художественного и мировоззренческого восприятия турецкого текста различных суфийских течений придворной (диванной) литературы Средневековья выдающимся татарским поэтом Габдуллой Тукаем (1886-1913), а также предлагается краткий анализ литературного процесса эпохи Танзимата (Реформации) и периодов правления "душителя свободы" султана Абдулхамида и младотурецкого движения Нового времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 1. С. 34-36. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE ESSAY IN CREATIVE WORK OF THE UDMURT PROSE WRITER S. SAMSONOV

Maksimova Ol'ga Mikhailovna

Udmurt State University

24omax@mail.ru

The article examines the peculiarities of publicist works by the famous Udmurt prose writer S. Samsonov. Essay genre in writer's creative work has undergone the period of active growth, broadening the range of problems, enriching artistic figurative means. Samsonov's essay is characterized by topicality, publicistic nature, appeal to a document, figurative detail, and folk speech. The special attention is paid to the role of Russian publicistics of "thaw" period in the Udmurt essay development in the new historical epoch. The paper argues that essay genre specificity in Samsonov's creative work is in many ways conditioned by author's affinity to common people.

Key words and phrases: Udmurt literature; publicistics; genre; essay; workman's image; writer's creative individuality; artistry; personage.

УДК 821.512.145:161

В статье прослеживается эволюция и особенности художественного и мировоззренческого восприятия турецкого текста различных суфийских течений придворной (диванной) литературы Средневековья выдающимся татарским поэтом Габдуллой Тукаем (1886-1913), а также предлагается краткий анализ литературного процесса эпохи Танзимата (Реформации) и периодов правления «душителя свободы» султана Абдулхамида и младотурецкого движения Нового времени.

Ключевые слова и фразы: османская литература; Дж. Руми; Н. Кемаль; А. Джевдет; Г. Тукай; интертекст; эпоха Танзимата; тасаввуф.

Мубаракшина Алия Раифовна

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

aliya-891163@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТУРЕЦКОГО ТЕКСТА В ТВОРЧЕСТВЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

Творчество Габдуллы Тукая, ушедшего из жизни очень молодым – в 27 лет, – явление уникальное, вошедшее в себя литературные традиции мусульманского Востока и европейского Запада. Он начал свой творческий путь в 1902 году с перевода стихотворения известного русского поэта А. Кольцова «Что ты спишь, мужичок?». Симптоматично и то, что в 1902-1903 годах будущий поэт проявлял огромный интерес к турецкой средневековой классической диванной литературе, произведениям суфийских поэтов пантеистов, последователей великого представителя Восточного Ренессанса Джалаледдина Руми (1207-1273). Особенно ярко это проявилось в стихах Тукая начального периода творчества в интертекстуальном переосмыслении образов земных красавиц, символизирующих Аллаха и испуленно пляшущих по кругу дервишей, как бы стремящихся раствориться в божественном начале [4, б. 7-11; 11, б. 230]. Аллюзии, реминисценции, перенятые из пантеистической лирики суфийского ордена «Мауляна» Дж. Руми и его учеников легко можно обнаружить в стихотворениях «После расставания», «О, эта любовь», «Я ль не горемычный?», «Неужели так и сгину», «Надпись на могильном камне» (все – 1906). Однако наличие в них интертекстов не говорит о том, что татарский поэт остался верным художественно-этическим принципам турецких суфийских авторов. Как верно заметил известный татарский литературовед Дж. Валиди, тукаевский дискурс совершенно иной: следуя восточной традиции назира, он заменил «суфизм» турецких авторов на «антисуфизм», сохранив при этом метрику, отдельные особенности стиля, образной системы стихотворений. По утверждению доктора филологических наук И. Б. Башировой, Тукай совершил капитальную трансформацию и в выборе поэтического языка – заменил османское наречие старым литературным языком татар [8, б. 13].

Представляет интерес и тот факт, что у Тукая имеется стихотворение с трудно узнаваемой татарским читателем аллюзией на биографию Дж. Руми. Это образ Шамса Тебризи – солнце из Тебриза, духовного наставника Дж. Руми, ведущего его по божественному пути суфийского тариката, с которым тот проводил много времени, изучая теорию и практику тасаввуф. Учащиеся медресе, соскучившиеся по занятиям любимого преподавателя Дж. Руми, приревновали его к Шамсу Тебризи, убили того, бросив в колодезь. Потрясенный гибелью своего учителя, Дж. Руми отказался от должности мударриса, посвятив себя поэзии и служению суфийскому тарикату, и начал подписывать свои произведения именем наставника «Шамса Тебризи». В качестве аллюзии этот эпитет заимствовал у Дж. Руми и Габдулла Тукай. Наподобие персидско-турецкого поэта, он начал сравнивать и величать образом солнца гения русской литературы А. С. Пушкина. В стихотворении «Пушкину» (1906) Тукай утверждает, что поэзия русского поэта – это великая воодушевляющая сила на его

творческом пути: «моя душа не знает тьмы: ты жизнь в нее вселяешь / как Солнце – мир, – так душу ты стихами озаряешь» [9, с. 15]. От сияющих «поэтических лучей» пушкинской лирики приходит в состояние экстаза вся живая и неживая природа. Как будто превратившись в румиевских дервишей, «деревья, камни – всё вокруг тебя, услышав, пляшут» [Там же]. Образ солнца как символ пушкинской поэзии сопровождал Тукая до конца творческого пути. Он стал сопоставлять с образом солнца и другого гения русской поэзии – М. Ю. Лермонтова. Например, в стихотворении «Отрывок», отвечая своим врагам, обвиняющим его в подражаниях Пушкину и Лермонтову, он с гордостью писал: «Пушкин, Лермонтов, их светлость – солнце. Я – луна. / Отражённым светом солнца я сияю, как она» (перевод В. Думаевой-Валиевой) [Там же, с. 187].

Незадолго до смерти Тукай переложил в стихах с русского перевода А. Майкова рассказ Дж. Руми «Три истины» (1912), в котором была отражена борьба двух морально-этических антиномий мусульманской цивилизации – мудрости и тупости, добра и зла [5, с. 130].

Огромное значение в становлении и развитии сатирического таланта Тукая имело обращение его к знаменитому турецкому тексту средневековой религиозно-суфийской литературы «Мухаммадия» Мухаммеда Челеби (1358-1451), основанной на коранической философии, посвященной восхвалению благородных деяний пророка Мухаммеда. Пользуясь отдельными сюжетами, строфикой, рифмой, стилем этого популярного среди татар произведения, Тукай создал немало антиклерикальных стихотворений и поэму, высмеивающих аморальные поступки татарских кадимистов, противников прогресса нации [4, б. 55; 6, с. 99].

Большую роль в приобщении Тукая к турецкой литературе сыграли годы учебы в медресе Мутыгия г. Уральска, в библиотеку которого поступала учебная религиозно-дидактическая и светская литература из стран мусульманского Востока, в том числе из Турции, а также дружба с изгнанным из Турции студентом Абдували Амрулла, который ознакомил будущего поэта с историей османско-турецкой литературы эпохи Танзимата, периода тридцатилетнего правления султана Абдулхамида (1876-1909), а также периода конституции, т.е. младотурецкого движения (1908-1918). Танзимат – это эпоха, характеризующаяся отходом от традиций диванной литературы, началом буржуазно-демократических изменений и европеизации турецкой общественно-политической, экономической жизни и изменением литературно-эстетических и этических канонов. Произведения эпохи Танзимата, синтезировавшие гуманистические традиции Востока просветительской идеологией Запада, оказали большое влияние и на творчество Габдуллы Тукая. Он с интересом изучает произведения молодых турецких поэтов, прозаиков, драматургов, испытавших сильное влияние французской литературы: Ибрагима Шинаси, Намыка Кемалю, Реджаизаде Экрама, Ахмета Хашыма, Абуззья Тевфика, Тевфика Фикрета, Абдуллы Джевдета и других. Кумиром Тукая был Намык Кемаль – человек с уникальной памятью, прекрасный знаток французского языка, арабо-персидской и европейских культур и литературы, писатель, оставивший огромное литературное наследие. Имеются сведения о том, что Тукай собирался сыграть роль хальфы Габдесамата в спектакле Намыка Кемалю «Горе от любви», который ставился на сцене Уральского народного дома. В. Бахтияров в своих воспоминаниях пишет о намерении Тукая перевести на татарский язык первый турецкий роман Н. Кемалю о русско-турецкой войне «Родина, или Силистра» [1, б. 79]. Тукай внимательно следит за периодическими изданиями времен Танзимата, иногда выражая и свое отношение к ним. Например, его бейт «О турок!» (1911) воспринимается как мадхия в честь газеты «Тасфир-и эфкяр» («Изображение мыслей»; осн. в 1862 г.). Этим двустушием Тукай выражает свое уважительное отношение к издателям, редакторам, журналистам газеты – Ибрагиму Шинаси, Намыку Кемалю, Риджаизаде Акраму, Абуззии Тевфику и др., положительно оценивая их просветительскую деятельность. И в казанский период творчества Тукай продолжает обращаться к интертекстам писателей-танзиматовцев, точнее сотрудников журнала «Сервети фюнун» («Богатство мудрости») в особенности. Интересен и тот факт, что представители других тюркских литератур нередко сравнивают и самого татарского поэта с выдающимся представителем танзиматской литературы Намыком Кемалем. Журнал «Тюрк сюзю» («Слово турка»), выходивший в Турции, после смерти поэта писал: «У нас нет поэта подобного Габдулле Тукаю, кроме как Намык Кемальбек» [7, б. 13]. Эту запись повторно публикует и оренбургская газета «Время» («Вақыт»), делая акцент на созвучности их творчества по национальным мотивам [2]. Гали Акыш, известный татарский общественный деятель, ученый, журналист и публицист, называет Тукая «великим поэтом и философом наподобие Н. Кемалю у турок» [13, с. 16]. Турецкий ученый М. Акбаш тоже ставит Тукая в один ряд с Н. Кемалем [12, с. 24]. По его мнению, стихи Тукая «О перо!» («И каләм!»), «К нации» («Милләтә»), «Слово друзьям» («Дустларга бер сүз») по содержанию напоминают произведения Н. Кемалю «Родина» («Vatan»), «Родина, или Силистра» («Vatan yahut Silistra»), «Возрождение» («İntibah»), «Джазми» («Cezmi»), «Разрушенная пустота» («Tahrîbi Narabat»). Все эти высказывания подчеркивают, что Н. Кемаль и Габдулла Тукай были выдающимися фигурами турецкой и татарской литератур, оказавшими плодотворное воздействие на тюркские литературы российского и зарубежного Востока.

Тукай внимательно следил за движением младотурков, находящихся в оппозиции к абсолютизму султана Абдулхамида. Некоторые турецкие авторы, например М. Акбаш, рассматривают обилие в творчестве татарского поэта произведений, критикующих правление Абдулхамида, как результат влияния сборника стихов «Тяжести» («Kahtıyat») Абдуллы Джевдета (1869-1932), известного как один из четырех студентов-создателей политической партии «Единение и прогресс» с целью свержения режима султана. Действительно, Тукаю было хорошо известно творчество А. Джевдета. Он любил читать наизусть отрывки из его стихотворения «Тысяча истин на пути твоём...». Ему импонировало и четверостишие его «Бер кыйтга», напечатанное в азербайджанском журнале «Феюзат» («Знание») [14], на которое Тукай ответил назирой «Моя

звезда» (1909), сопроводив ее цитатой-двустихием: «Земной путь мой, пронизанный ненавистью, тяжелыми воспоминаниями, страданиями, / обрамлен лишь мерцающим светом звезд встреч и разлук» (с возлюбленной) [9, с. 109]. Язык двустихия А. Джевдета сложен для перевода и понимания смысла по стилю и перенасыщенности арабо-персидскими заимствованиями. Видимо, для Тукая, знатока арабского и персидского языков, особых трудностей в восприятии стиха турецкого автора не существовало, на что указывает его следующее высказывание: «Мне давно понравились эти две строки Абдуллы Джевдета, и я кое-что написал. Раз они имеют отношение к “Звезде” (*название татарской газеты – А. М.*), я решил там и напечатать» [10]. Как видно из содержания отрывка, в «Бер кыйтга» А. Джавдета выражается глубокая печаль, горечь неосуществленных общественно-политических ожиданий, а также всплывают воспоминания о былой любви, мерцающей тусклым светом далекой звезды. В ответе-назире «Моя звезда» Тукай «не пошел во след» за турецким автором, а «вышел навстречу» с противоположным ему оптимистическим мироощущением [3, б. 136]. Сколько бы ни угнетала земная жизнь, лирический герой татарского поэта остается духовно стойким, отвечающим на удары судьбы не плачем, а лишь улыбкой на устах. Несмотря на то, что Тукай рос круглым сиротой, без родительского тепла, т.е. «без солнца и луны», он благодарен Аллаху за то, что в темных ночах его трудной жизни над ней сияли яркие звезды. Даже нечистые силы, недруги не смогли потушить священный звездный свет его души, лишить его божественного творческого вдохновения. Он будет рад, если его стихи, наподобие ярких звезд, выведут хотя бы одного заблудшего человека на верный путь. И сам Тукай как поэт, наподобие сияющих звезд, мечтает оставить на земле след добра и справедливости. В заключение он подчеркивает, что личная жизнь его – клубок горестей и радостей, однако звезда его души сохранила гармоничные отношения со своими соплеменниками, и он твердо верит в осуществление священных идеалов татарского народа.

Освещая вопросы эволюции и особенности турецкого текста в восприятии Тукая, можно прийти к выводу, что татарский поэт в основном писал назира на произведения известных и неизвестных авторов османской литературы. Но в каждом случае к заимствованиям из турецкой литературы он подходил творчески: сохраняя формальные особенности стихотворений на турецком языке, отказался от теологической трактовки событий, образов, заменяя их содержанием актуальными для татарской действительности проблемами. Верность этих суждений мы показываем на примере анализа стихотворения-назира Тукая на четверостишие А. Джевдета, носящего черты модернистских течений Запада, что требует изучения данной темы и в будущем.

Список литературы

1. **Бәхтияров В.** Тукай турында кайбер истәлекләр // Тукай турында истәлекләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1986. Б. 76-83.
2. **Газеталардан** // Вақыт. 1913. 24 апрель.
3. **Ганиева Р.** Габдулла Тукай ижатында төрек мотивлары // Казан утары. 2014. № 4. Б. 132-138.
4. **Ганиева Р.** Шагыйрьнен рухи дөньясы. Казан: ТаРИХ, 2002. 112 б.
5. **Мубаракшина А.** Уральский период творчества Габдуллы Тукая (к вопросу о традициях «Мухаммадии» и поэзии Руми) // В мире научных открытий. Красноярск, 2014. С. 126-132.
6. **Мөхәмәтов И.** Татар-төрөк багланышларында Мөхәммәд Чәләбинең «Мөхәммәдия» китабы. Казан: Ш. Мәржани исем. тарих инст., 2007. 136 с.
7. **Сайфетдин Г.** Габдулла Тукаев вә лисаны // Төрөк сүзе. 1914. № 3. Б. 11-14.
8. **Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы).** Казан: ТӘҺСИ, 2013. 327 б.
9. **Тукай Г.** Избранное / перевод с татарского В. Думаевой-Валиевой. Казань: Магариф, 2006. 239 с.
10. **Тукай Г.** Күңел йолдызы // Йолдыз. 1909. 29 ноябрь.
11. **Финш Р.** Джалаледдин Руми. Изд-е 3-е. М.: Наука, 1987. 263 б.
12. **Акбаş М.** Tatar şair ve yazarı Abdullah Tukay'ın eserlerinden seçmeler ve bunlardaki dil özellikleri. İstanbul, 1996. 186 s.
13. **Ақиş А.** Büyük türk tatar şairi Abdullah Tukay'ın halkçılık ve milliyetçilik cepheleri // Azerbaycan. 1965. № 10-12. S. 15-16.
14. **Cevdet A.** Bir kitga // Feyüzat. 1906. № 6.

THE PROBLEM OF THE TURKISH TEXT IN GABDULLA TUQAY'S CREATIVITY

Mubarakshina Aliya Raifovna

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov
of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
aliya-891163@mail.ru*

The article traces the evolution and peculiarities of the artistic and philosophical perception of the Turkish text of various Sufi directions of the court (Divan) Literature of the Middle Ages by the outstanding Tatar poet Gabdulla Tuqay (1886-1913), and also provides a brief analysis of the literary process of the Tanzimat (the Reformation) epoch and the periods of the reign of “the strangler of freedom” Sultan Abdul Hamid and the Young Turkish movement of the modern age.

Key words and phrases: the Ottoman literature; J. Rumi; N. Kemal; A. Cevdet; G. Tuqay; intertext; Tanzimat epoch; Tasawwuf.